

A black and white photograph of a large crowd of young boys, likely soldiers or recruits, in military uniforms. They are wearing various types of caps, including fur hats. The boys are looking in different directions, some towards the camera. The background is filled with more boys, creating a sense of a large group. The overall tone is historical and somber.

Павел Шаров

ПАШКА С МАКАРОНКИ

мальчишки военных лет

Павел Шаров

**Пашка с Макаронки.
Мальчишки военных лет**

«Издательские решения»

Шаров П.

Пашка с Макаронки. Мальчишки военных лет / П. Шаров —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-909024-9

О непростом, трудном, но неунываемом детстве группы мальчишек одного из районов города Горького в суровые годы Великой Отечественной войны повествует нижегородский писатель Павел Шаров. Память уносит автора в то далекое, героическое время. Дети войны. Какими они были?

ISBN 978-5-44-909024-9

© Шаров П.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Маршрут трамвая N 5	7
Возвращение из пионерского лагеря	10
Налет на огороды тюремских работников	12
Воспоминания за решеткой	14
Встреча в гадюшнике	21
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Пашка с Макаронки Мальчишки военных лет

Павел Шаров

Редактор Елена Николаевна Крюкова

Корректор Елена Николаевна Крюкова

© Павел Шаров, 2019

ISBN 978-5-4490-9024-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Все дальше и дальше время уносит меня от того 1932 года, когда я увидел мир и энергично произнес первое доходчивое «уа-а!», обозначающее, что я есть и хочу есть. Прошли годы познаний, проб и ошибок, многолетнего забега в эстафете под громким названием «построение материально-технической базы коммунизма», а потом годы безучастного наблюдения за разрушением этой базы. Эти годы оставили и радостные воспоминания творческих побед, и шрамы в душе и на теле от не менее многочисленных поражений и огорчений, но самое главное, что оставили эти годы – память. Память, которая обладает одним замечательным свойством – исключать из своего обращения все то, что повторяется изо дня в день и заполняет текучкой, толкучкой и трескучкой бесполезную однообразием часть нашей жизни.

Но память сохраняет те ее фрагменты, которые насыщены событиями, происходившими в первый раз, событиями, которые поражают сознание своей новизной. Они – эти фрагменты – воспроизводятся как яркие вспышки. Это естественно, потому что именно острые моменты оставляют радостный или горький след в душе, а иногда и шрамы в сердце.

Есть люди героической или трагической судьбы, у которых память отметила главными событиями то, что происходило с ними в знаменательные периоды их жизни, независимо от возраста. Но для меня самыми памятными стали впечатления детства, которое совпало по времени с тяжелыми и тревожными испытаниями Великой Отечественной войны

Когда бег в пространстве замедляется, а бег времени заметно ускоряется и мы все чаще и чаще начинаем всем своим существом ощущать доказательства того, что мы уже недалеко от финишной прямой, появляется естественное желание воспроизвести в памяти до мельчайших подробностей все то, что было там, в далеком детстве. И поделиться впечатлениями. Воспроизводится, но не все. Очень плохо, например, сохранилась информация о предметах, дисциплинах, которые вдалбливались в детские головы в начальной школе. А выдумывать не хочется. Пусть в этой книжке все будет так, как сохранила память.

Известно, что жизнь концентрируется по берегам рек, озер, морей и океанов, вдоль железных дорог и автомобильных трасс. Жизнь нашей небольшой группы горьковских мальчишек с «Макаронки» возрастом от шести до тринадцати лет протекала в начале сороковых вдоль трамвайной линии маршрута N 5 от площади Лядова до Мызы.

Память услужливо воспроизводит реальную обстановку далеких июльских дней 1942 года. Я и сейчас мысленно могу в подробностях представить себе ту часть города, вдоль которой двигался трамвай по вышеуказанной трамвайной линии.

Маршрут трамвая N 5

Рано утром 1942 года яркие лучи летнего восходящего Солнца осветили западную, заречную часть города Горького. Оттуда пахло гарью, войной. Прошел только год с момента варварского нападения фашистской Германии на страну, а война, казалось, уже давно добралась своими шупальцами до города, названного именем великого писателя.

С юго-запада на северо-восток несла свои спокойные воды река Ока, на левобережье которой вырос ряд заводов оборонного назначения. Воздушные налеты фашистов на них следовали один за другим. Вдоль высокого правого берега Оки на юго-запад от площади Лядова протянулось полотно Арзамасского шоссе, которое, достигнув границы города, прощалось с полноводной рекой и уходило южнее, к городу Арзамасу. С юго-восточной стороны к шоссе пристроилась трамвайная линия пятого маршрута.

Выглянувшее Солнце заиграло лучами по крыше длинного четырехэтажного здания военного госпиталя, которое вытянулось вдоль трамвайной линии на площади Лядова. К нему с заднего входа подъезжали легковые машины, грузовики, заполненные ранеными солдатами. Работа там кипела и днем и ночью. Там шла война со смертью. Там бойцы в белых халатах побеждали смерть. У расположившегося с другой стороны Арзамасского шоссе небольшого собора из красного кирпича закопошились люди. Город оживал.

Раздалось долгожданное позвякивание трамвайных колес по стыкам рельсов, появился красного цвета трамвай. Постояв две минуты, двинулся на юго-запад вдоль Арзамасского шоссе туда, где была, да и до сих пор есть, его конечная остановка «Мыза». С левой стороны промелькнул ряд строений, в том числе школа, техникум, и вот она, остановка под названием «Тюрьма». Невдалеке от нее с левой стороны по ходу трамвая расположился неизвестный завод, а за ним, занимая большую площадь, огороженную высокой каменной стеной, – тюрьма. Перед ней – два жилых пятиэтажных здания для работников тюрьмы. Справа по ходу трамвая – пустырь, обрывающийся крутым откосом правобережья реки Оки. Между заводом и тюрьмой приютилась пивная будка, приглашающая рабочий люд опрокинуть кружку-другую после трудовой смены. Трамвай тронулся дальше, к остановке «Макаронная фабрика».

Стоп! Что это?! Там вдалеке, на пустыре, около откоса только что бежал мальчишка. А теперь его нет. Растворился! Как в цирке! Показалось? Да нет, вон он, снова бежит. Только в другую сторону. Что за чертовщина?! Вот это да! – мальчишка-то другой. Тот был в серой клетчатой рубашке, а этот в майке. Откуда он взялся? Из-под земли что ли? Чудеса!

Трамвай закрипел тормозами перед остановкой «Макаронная фабрика». Перед фабрикой, рядом с трамвайной линией, расположилось пятиэтажное здание так называемого макароновского жилдома, где и проживали герои последующего повествования. Напротив, с правой стороны, за Арзамасским шоссе, как грибы после дождя, за короткое время выросли несколько ветхих домиков и один длинный дощатый барак. Поселок назывался «Мраморны дома». Экзотического названия поселка «Мраморны дома» ни на каких картах города не было. Он вырос самостроем и получил это гордое название от приютившихся здесь переселенцев. Было, правда, еще одно название этого поселка – «Дунькина деревня», но оно как-то не прижилось у макароновских мальчишек, и Дунька, в честь которой он был назван, так и коротала свой век в исторической неизвестности.

Далее трамвай шел мимо главного здания военизированного отряда НКВД. Таким образом, макаронная фабрика расположилась между двумя важными государственными учреждениями, наводящими страх на всякого рода нарушителей законности и расхитителей социалистической собственности, между НКВД и тюрьмой. Напротив здания НКВД – между шоссе и откосом реки Оки – высилась большая деревянная вышка высотой метров в сорок. Наверху вышки, на длинной металлической трубе, укрепленной горизонтально, был подвешен макет

парашюта из белого материала с парашютистом из фанеры. Солдаты, по-видимому, часто и подолгу тренировались в стрельбе по мнимому противнику и так изрешетили парашют и фанерного парашютиста, что от них остались одни ошметки. Со временем вышка обветшала, сгнила, и забирались на нее одни только мальчишки. Взрослые не рисковали. Опасно. Беззубые лестницы вот-вот должны были обрушиться. Ветер раскачивал вышку, и на верхней площадке качало, как на корабле. Только вместо шума набегавших волн слышались потрескивания ветхого строения.

Мальчишкам было раздолье ползать по укрепленным под разными углами крепежным бревнам, соединявшим боковые опоры вышки, а то и спускаться на землю по этим опорам, соединенным между собой в длину мощными скобами.

А трамвай шел дальше, к остановке «Молочный завод». С левой стороны, сразу же после здания НКВД, растянулись склады, где сгружалось все, что только можно вообразить: мешки с каким-то тряпьем, сухарями, пластинами из прессованных семечек подсолнухов и многое другое. Заканчивались склады рядами сложенных бревен – дрова, за которыми простиралась поля, где размещались зенитные орудия.

Сразу после складов по ходу трамвая расположился молочный завод, напротив которого, через шоссе, белело сооружение водонапорной башни. Рядом с этой башней от Арзамасского шоссе в сторону Оки уходила дорога вниз, к реке, к поселку Слуда.

Трамвай шел к следующей остановке – «Тобольские казармы». Слева, за каменным забором трехсотметровой длины, разместился военный городок. В глубину городок занимал значительно большее расстояние, чем вдоль трамвайной линии. Недалеко от трамвайной остановки – проходная с часовым в дверях. За кордоном просматривались в том числе и пятиэтажные, жилые дома. Напротив, с другой стороны шоссе, разместилось большущее двухэтажное здание клуба имени Фрунзе с киноконцертным залом, залом для танцев, большой раздевалкой на первом этаже. Клуб представлял собой неотъемлемую часть Тобольских казарм. Торец клуба со стороны дороги на Слуду был отдан детворе. Там расположилась начальная школа-четырёхлетка. В зимнее время в клубе организовывались танцы под духовой оркестр, состоящий наполовину из малолетних воспитанников военной части. Во вместительном кинозале с большой, хорошо оборудованной сценой показывали кино и ставились концерты.

Пустырь за клубом, недалеко от окского откоса, использовался под спортивный комплекс с футбольным стадионом, гаревой легкоатлетической дорожкой и многочисленными спортивными снарядами: турниками, кольцами, брусьями, площадками для прыжков в длину и высоту. Там из молодых солдат и курсантов ускоренно готовили крепких мужчин, способных защищать Родину.

Сооружение, представляющее собой платформу трамвайной остановки «Тобольские казармы», возвышалось над уровнем шоссе метра на два. И под этим сооружением, в семиметровом промежутке между шоссе и платформой, где-то там, внизу, с утра располагались шустрые тетушки-торговки в разноцветных платочках, раскладывая корзинки, пакетики и бидончики с ягодами, молоком и прочей снедью, созревшей к этому времени на подворье.

После остановки «Тобольские казармы» пути Арзамасского шоссе и трамвая временно расходились. Трамвай забирал левее, к следующей остановке – «Детская больница». Затем он шел до остановки «Щелковский хутор». Это место привлекало и детей, и взрослых никогда не высыхающими озерами.

Далее трамвай круто поворачивал направо и с остановки «Каравайха» вновь двигался рядом с шоссе. С левой стороны выстроились деревянные постройки, в том числе райсовета и партийных органов Ворошиловского района. Вдалеке виднелась средняя школа N 48. С правой стороны, за шоссе, сплошной кустарник вплоть до обрыва к Оке.

И вот конечная остановка «Мыза». Там трамвай высаживал пассажиров и делал по кругу разворот в обратную сторону. Дальше надо было идти пешком до моста. Внизу – железная

дорога от Ромодановского вокзала в сторону города Павлово-на-Оке. После моста с правой стороны – огромное здание радиотелефонного завода имени Ленина, напротив которого располагалась большая столовая, а далее с левой стороны шоссе начинались владения завода имени Фрунзе. Начинались эти владения огромной свалкой забракованных радиодеталей, из которых радиолюбители выбирали рациональные зерна для своих поделок.

Этим маршрутом ограничивалась сфера уличной жизни мальчишек с макаронки. Иногда они уходили в своих путешествиях от трамвайной линии до Волги с одной стороны и левобережья Оки с заплывом через нее – с другой. Но это было довольно редко. Все же, что выходило за очерченные границы, настораживало огромными далями, но и манило неизвестностью, которая побуждала самых отважных пускаться странствовать на пригородных поездах с Московского вокзала до близлежащих городков и поселков Горьковской области.

Возвращение из пионерского лагеря

Пионерский лагерь неподалеку от берега речки Линды, где отдыхали ребята летом 1942 года, представлял собой деревенский дом на двадцать малолеток, у каждого из которых, как правило, отец воевал на фронте, а мать по двенадцать-четырнадцать часов в сутки работала на фабрике. Девять детей летом было некуда, и директор фабрики нашел способ поддержания их здоровья, организовав проживание в деревне. Из обслуживающего персонала была одна воспитательница. Повариху наняли на месте. Ребята тут же разобрались с обстановкой, и председателю колхоза стали поступать тревожные сигналы о том, что пионерия систематически совершает набеги на колхозные малинники и с ней надо что-то делать. Он задумался и принял неожиданное решение: выдать ребятам – кому решето, кому маленькую корзинку, кому какой-нибудь таз и отправить собирать малину. Норма – три килограмма на один нос. Остальное пусть едят неограниченно: все равно половина урожая пропадет, колхозниц-то не хватает.

И дети с удовольствием совмещали полезное с приятным, организовав при этом, как водится, соревнование – кто собрал больше.

Жизнь лагеря была ключом: походы за грибами, игра в футбол старым, заброшенным малахаем; в догонялки с рассерженным бычком: догонит или не догонит; ловили мелкую рыбешку в наволочки, а потом, конечно же, отпускали, потому что есть мальков было жалко.

Однажды десятилетний Пашка решил померяться силой с бычком, у которого еще только появились пупырышки на лбу, означающие, что здесь скоро вырастут рожки, а потом и рога. Он подошел к бычку и толкнул его в лоб. Тот безразлично посмотрел на Пашку и отвернулся. «Брезгуешь, теленок», – Пашка снова надавил ему на лоб. Бычок отступил на пару шагов. «Ага! Сдаешься!» – обрадовался Пашка. Но тот вдруг всерьез набычился и пошел на Пашку. Мальчик уперся обеими руками в твердый, как пенек, лоб бычка. Ноги стали скользить по траве. «Во, прет! Не удержишь! Еще бы – у него четыре ноги, а у меня только две, да и те без копыт. Надо удирать». Пашка развернулся на сто восемьдесят градусов и тут же получил под зад бычьей головой. Над ним долго смеялись, а потом перестали и стали смеяться над Фелькой Чулковым. Он тоже схлопотал. Только не от бычка, а от здорового рогатого козла. Разница была лишь в том, что Фелька, разозлив козла, успел-таки удрать от него не посрамленным. Но, когда он, втихаря от воспитательницы, полез в кустарник за спрятанным там окурком, нагнулся, разыскивая его, злопамятный козел, не долго думая, врезал сзади Фельке своими рогами, да так, что тот нырнул в кусты вниз головой.

В общем, в деревне было весело и интересно. А главное – до ребят не доходили отзвуки бомбежек города.

Когда Пашка вместе со своим шестилетним братиком Юркой вернулись из пионерского лагеря домой, им сообщили страшную весть. Два дня назад немецкие самолеты забросали зажигательными бомбами макаронную фабрику и макароновский жилдом перед ней, в котором они жили втроем с мамой в десятиметровке на пятом этаже. На дом упало несколько «зажигалок», и проживающие в нем мальчишки вместе со взрослыми принимали участие в тушении огня.

По возвращении домой Пашка тут же включился в работу по изготовлению «личного оружия». Надо было довести до конца начатое раньше изготовление поджига, свинцового кастета и сабли из обруча бочки. Жилдомовские мальчишки были мастера поделок «легкого вооружения». К ним приходили учиться «бараковские», проживавшие за макаронкой, в длинных деревянных бараках, и особым умением в создании средств самозащиты и нападения не отличавшиеся. Они умели только драться.

Пятиэтажный жилдом был заселен в основном семьями инженерно-технических работников фабрики. Почти у всех ребят – Генки Барнуковского, Витальки Маркелова, Олега Чепу-

ренко, – на фабрике работали отцы. Пашкин тоже работал начальником котельной, но в июне 1941 года ушел на фронт, и теперь сын постепенно отбивался от рук. Улица стала его стихией, и он иногда по два-три дня вообще не появлялся дома. Часто гулял в рваной одежде и приобретал в среде жилдомовских родителей репутацию сорвиголовы.

На следующий день, поздно вечером, когда совсем стемнело, ребята собрались у трамвайной линии и наблюдали трагические события: бомбежки на другом берегу Оки. Небо пронзали лучи многочисленных прожекторов. Они метались по небу в поисках жужжащих и гудящих фашистских самолетов.

– Поймали! Поймали, – восторженно зашумели мальчишки.

В перекресток лучей двух прожекторов попал немецкий самолет, и тут же вокруг него возник фейерверк вспышек разрывающихся артиллерийских снарядов. Фашист пытался уйти в сторону, но лучи прожекторов не отпускали его. А за ним уже, жужжа, как жуки, летели другие самолеты. Всполохи взрывов авиабомб заглушали разрывы артиллерийских снарядов. Звуки последних доходили издалека, как неритмичная дробь хлопучек, оставляя на небе множество небольших облачков. Взрывы бомб обволакивались густым туманом, сквозь который просвечивали огни пожаров. Вдруг прямо из-под откоса Оки вынырнул фашистский самолет и на бреющем полете стал приближаться к фабрике.

– Удрал, мерзавец! – крикнул Лешка Лямин, старший из всех и уже работавший на заводе, – приготовились ребята!

Самолет летел так низко, что было видно не только кресты на его крыльях, но и самого летчика в шлеме.

– Ах, гад! – воскликнул Пашка и послал ему навстречу из поджига заряд из нарезанных гвоздей.

Его примеру последовали все, у кого были при себе поджиги. Самолет свернул направо, пролетел над территорией военизированного отряда НКВД и скрылся за бараками. Там, совсем, кажется, рядом, с небольшим промежутком времени забабахали пушки. Налет закончился. За Окой полыхали пожары, и в небо поднимались столбы черного дыма. Появилась встревоженная мать и утатила Пашку в бомбоубежище в подвал жилдома. Там было полно народа. Там же сидел младший брат Юрка. Вскоре в бомбоубежище стали один за другим поступать выловленные на улице мальчишки. Но к этому времени опасность миновала, и по сигналу окончания тревоги люди стали покидать его.

Налет на огороды тюремских работников

На другой день группа мальчишек обсуждала план очередного налета на огород тюремских работников. Из жилдомовских в обсуждении участвовали Пашка, Генка Барнуковский, Виталька Маркелов, из бараковских – Ленидка и Кочан и из «Мраморных домов» – Арька Лихвор и Васька Софронов.

Тюрьма была огорожена высокой каменной стеной с возвышающимися над ней несколькими будками. В них всегда находились вооруженные часовые. На расстоянии пяти метров от стены – прозрачный забор из натянутой колючей проволоки.

Сообразительный персонал тюрьмы решил использовать пятиметровую полосу земли вдоль стены и рассадил на ней различные овощи: морковь, огурцы, помидоры, капусту. Вопрос охраны не стоял. Она всегда находилась в будках и, следовательно, вход на территорию огорода был невозможен. Но не для всех. Во всяком случае, не для мальчишек.

До приезда Пашки его друзья уже сделали несколько успешных налетов на огород. В основе их стратегии лежали два фактора. Во-первых, кто-то из группы выполнял отвлекающий маневр, делая неумелую попытку проникнуть за колючую проволоку неподалеку. Естественно, что охранник начинал орать на хулигана (не стрелять же за огурец!). А в это время у него за спиной остальные мальчишки ящерицами подныривали под колючую проволоку. Во-вторых, для того чтобы оказаться не замеченным, надо «обрабатывать» участок огорода на расстоянии от основной стены не более чем в один метр. Иначе заметят. Вдоль стены – неограниченно. Затем тот же отвлекающий маневр, и ребята с овощами в карманах и за пазухой спокойно уползают с места «преступления».

Вот эту-то операцию они и обсуждали. Все было продумано до мелочей. Не учли только то, что поговорка «повторение – мать учения» не всегда справедлива. В данном случае лучше бы сказать «в одну лузу два раза не суйся». Это была роковая ошибка. Обнаружив следы разорения в огороде, охранники начали гадать: «Как это? Как это? Это как!?» И отгадали. Когда мальчишки затеяли отвлекающий маневр, охранники уже знали, что за этим последует. И вот Гена, стоящий на стреме, вдруг заорал:

– Атанда! Атанда!

Пашка, Ленидка, Кочан и Виталька, побросав только что выдранную морковь, молниеносно нырнули под колючую проволоку. Пашка почувствовал сначала треск штанов, а потом непривычную прохладу сзади. Думать было некогда. Сработал инстинкт самосохранения, удесятеривший силы в момент опасности. Он выскочил на дорожку вдоль трамвайной линии и припустился что есть силы. За ним, не отставая, грохотал сапогами спортивного вида солдат.

Пашка бежал первым. Виталька отстал, но солдат пробежал мимо него. Охранники не обращали внимания на мелкоту, брызгами разбегавшуюся в разные стороны. Их целью был старший – Пашка. А он пробежал мимо своего жилдома, подбежал к зданию НКВД. В голове созрел план. Сейчас свернуть направо, перебежать через шоссе, добежать до старой деревянной тренировочной парашютной вышки и молниеносно вскарабкаться на нее. Взрослые туда не полезут: опасно. Слишком ветхая и высокая, она при порывах ветра качалась и потрескивала. Такое уже было. Однажды он взял у кого-то старенький фотоаппарат, залез на вышку и стал снимать все вокруг, в том числе и НКВД. Когда спускался, увидел внизу двух солдат с овчаркой. Один из них поманил его пальчиком. Пашка отрицательно помотал головой. Пришлось ждать, кому надоест первому, Пашке – сидеть на одной из лесенок – или солдатам. Они не выдержали и на время куда-то ушли, привязав овчарку на длинном поводке к лесенке. Пашка по крепежному бревну сполз на боковую опору вышки и по ней начал спускаться на землю.

Тузик рычал совсем рядом, обнажая огромные клыки. Но длинный поводок был недостаточно длинным, и Пашка благополучно приземлился, показав Тузику язык. Он хотел уже удрать на откос, но оглянулся. Тузик перестал рычать и гавкать и, жалобно поскуливая, смотрел то на Пашку, то туда, куда ушли его незадачливые хозяева. Он как бы умолял Пашку вернуться. Ведь ему теперь влетит за то, что упустил нарушителя. Пашка подошел к собаке на безопасное расстояние и сказал:

– Не переживай, Тузик. Тебя только обругают, а у меня чужой фотоаппарат отобрать могут. Так что потерпи, ты хорошая собака, а вот хозяева твои – дураки.

И Пашка ушел, оставив Тузика переживать разлуку.

Итак, надо добежать до вышки и, если солдат отстал, бежать дальше до высокого крутого откоса, а дальше... ищи потом ветра в поле. План был правильный, но жизнь часто вносит свои коррективы. Один из энкавэдэшников в штатском, увидев начало погони, вышел на шоссе и спокойно пошел в том же направлении, куда бежал Пашка, правильно полагая, что этот шустрый паренек его будет обгонять. В тот момент, когда Пашка догнал энкавэдэшника и готов был уже свернуть направо, к вышке, он неожиданно получил подножку и оказался в чьих-то цепких руках.

«Все! Добегался», – подумал Пашка, не теряя еще надежды удрать на откос. Но она растаяла, когда рядом оказались два запыхавшихся охранника в солдатской форме. В их руки и был передан Пашка.

«От этих не вырвешься, – подумал он, – «специалисты!»»

А «специалисты» вели взлохмаченного Пашку в рваной одежде мимо его родного жилдома, и, кажется, весь дом высыпал посмотреть на этого «челкаша», которого наконец-то поймали. Кто-то из толпы соболезновал:

– Куда вы его ведете! Малец ведь еще!

А кто-то, глядя на бедняцкую одежонку Пашки, напротив, торжествуя изрек:

– Хулиганье! Совсем распоясались!

Пашке стало стыдно. Он, как затравленный зверек, озирался по сторонам, ища поддержки и понимая, что защиты ни от кого не найдет.

Его привели к главному входу в тюрьму. Это была просто проходная, только с железными дверями. Дальше они подошли к высокой стене, за которую вела массивная металлическая дверь. Она лязгнула, и Пашка оказался в самой тюрьме. На ее территории было несколько трехэтажных зданий из красного кирпича с зарешеченными окнами.

Пашка со своими друзьями часто вылезал через чердак на плоскую крышу жилдома и наблюдал за прильнувшими к решеткам бледными лицами заключенных. Теперь он находился там, рядом с этими красными зданиями, в окнах которых он когда-то наблюдал серые, замученные лица. Открылась дверь в одно из зданий, и Пашку повели по коридору. Он сбился со счета, сколько дверей открывалось перед ним. Поднялись на второй этаж и пошли по коридору, открылась дверь в одну из камер, и его втокнули туда. Наверху маленькое окошечко с решеткой, на полу килограммов пять только что выдранный моркови без ботвы. Он оглянулся. В двери открылось небольшое круглое отверстие, и в нем показался глаз надзирателя. Отверстие закрылось, и Пашка остался один сам с собой и с кучей моркови.

«Понятно, – подумал он, – морковь – это вещественное доказательство».

Мелькнула игривая мысль: «А что если сожрать ее всю, вот и нет доказательств».

«Много, – решил Пашка, – не съем. А потом, она вся в грязи: дизентерию подхватишь».

Время тянулось медленно, но минуты и часы не ощущались. Как будто их не было. Пашка не знал, сколько просидел на куче моркови. На цементном полу сидеть было нельзя: простудишься. Без часов ощущение времени пропало. И Пашка стал заполнять его воспоминаниями.

Воспоминания за решеткой

Вот он – пятилетний мальчуган. Взрослые говорили, что он родился в 1932 году. Что это означает, он тогда не понимал, так как до тысячи еще считать не умел. Живут они с мамой и папой в Муроме, в маленькой полуподвальной комнатухе. Дом большой, двух-этажный. Наверху живет хозяин дома, дедушка Григорий. Внизу – несколько семей родственников, которые берут Пашку на руки и поднимают высоко-высоко, чтобы он сорвал яблочко. Яблоки растут в большом саду рядом с домом. Он еще пока по деревьям лазать не научился, но по забору – вполне сносно. Дедушка – машинист на паровозе, а еще он очень хорошо делает сапоги, и поэтому к нему часто приходили важные гости в черных кожаных тужурках, которым дедушка делал эти сапоги. Часто, когда к нему приходили гости, из кухни с первого этажа им носили жареное мясо. Что такое жареное мясо, Пашка не знал, но чувствовал, что это вкусно.

Потом Пашка заболел. Когда он уже стал большим и пошел в школу, мать рассказала, что он болел то ли скарлатиной, то ли дифтеритом, то ли и тем и другим одновременно. Свободных мест в больнице не было, и отец не уходил из нее, держа Пашку на руках, пока главный врач не сдался и не принял ребенка в эту больницу. Пашка пролежал там без памяти одиннадцать дней. А когда очнулся, первое, что он увидел, было существо с тонкой-претонкой шеей и огромными удивленными глазами. Это существо сидело в такой же койке, как и Пашка. Они глядели друг на друга и удивленно хлопали глазами. Каждый из них думал: «Это как же можно быть таким тощим?» А еще он тогда запомнил на всю жизнь острый запах рисового супа. Когда Пашку взяли домой, ему еще долго мерещилось что-то страшное. То волки на улице, то в окно вдруг заглянет красно-коричневая рожа страшной обезьяны. Однажды Пашка нарисовал человечка: большой кружочек, а над ним поменьше, точка, точка – глаза, черточка – рот, палка, палка – руки, палка, палка – ноги. Нарисовал, и вдруг этот человечек начал двигаться. Пашка закричал и забился в истерике. Шло время, страхи постепенно уходили и вскоре совсем пропали. Пропал и дедушка. Куда – никто не говорил. Тетя Груша говорила, что его подвели знакомства. Делал, делал сапоги всяким усатым дядям в галифе и кожаных куртках, вот его и забрали. Больше Пашка дедушку Григория не видел.

Шел 1937 год, и семья Пашки переехала. Стали жить в городе Павлово-на-Оке в доме, где родилась Пашкина мама Евстолия Ивановна. Жизнь в Павлове тоже оставила в памяти много впечатлений.

Во-первых, пятилетний Пашка впервые попал в настоящий коллектив. Каждое утро папка отвозил его на саночках в детский садик, где у каждого ребенка был свой шкафчик-пенал для одежды. А чтобы дети не путали пеналы, у каждого на дверке шкафчика свой рисунок. У кого – самолет, у кого – кораблик, у кого – курица. Отец нарисовал на дверке Пашкиного шкафчика красивого гуся, которым Пашка очень гордился.

Гордостью всего садика был построенный во дворе из снега большой корабль с трубой и красным флагом. Над созданием этого монумента трудилась под руководством воспитателей вся ребятня, включая самых маленьких.

В помещении садика было много игрушек, и, тем не менее, то в том, то в другом углу часто разгорались страсти в борьбе за обладание наиболее интересной. Борьба, как правило, заканчивалась ревом побежденного. В борьбе за обладание дефицитом Пашка получил однажды этим дефицитом по голове от старшего товарища. Поскольку сопротивление было бесполезно и единственно, что оставалось Пашке в этой ситуации, так это зареветь, то он и заревел. Он еще не успел вывести ту трель, на которую был способен, как почувствовал мягкое, доброе поглаживание по головке. Пашка обернулся, увидел голубоглазую сверстницу и перестал реветь. Вместо этого он подарил девочке разноцветный мячик и, как настоящий джентльмен, стал защищать ее в сложных перипетиях детских взаимоотношений. А когда

вырос достаточно, что отец разрешил ему самостоятельно возвращаться домой из садика, он ежедневно провожал свою подружку, пристраиваясь к саночкам, на которых ее увозили родители. Провожал до моста через овраг, за которым, как ему казалось, начиналась какая-то совсем другая, незнакомая страна.

А еще Пашка на всю жизнь запомнил, как тонул. Шел, шел по песчаному берегу и... бульк! Руками-ногами молотит, а перед глазами как будто водяной водоворот. Купались большой толпой родственников. Вдруг раздается удивленный крик тети Тони:

– А Пашка-то где?

Дядя Леня, а ему тогда было уже восемнадцать лет, нырнул, нашел Пашку, схватил его за ногу и вытащил на берег. Матери решено было ничего не говорить. Но она как-то узнала о происшествии и напрочь запретила Пашке купаться.

А вскоре отличился младший братик Юрка, которому к тому времени было уже около двух с половиной лет. Он вдруг пропал. Поиски ничего не давали. А через три часа этот гражданин, только что научившийся ходить на двух ногах, вдруг появился из за угла улицы, сосредоточенно топя по направлению к дому. Оказывается, он прошелся по близлежащей улице и на автопилоте нашел свой дом. Район, по которому он бродил, состоял из одних деревянных одноэтажных построек, транспорта, кроме гужевого, там не знали, поэтому никто и не обращал внимания на серьезного озадаченного гражданина «в возрасте». Все считали, что соседский ползает.

Но самое яркое впечатление оставило у Пашки воспоминание о том, как он лазал по заборам, представляя себя лихим казаком, летящим на коне с шашкой наголо.

– Ура-а-а, – кричал он бабушке.

– Перестань орать, – возмущалась бабушка, вооруженная грязной половой тряпкой.

Проползая по забору над огромной кучей жидкого коровьего навоза, Пашка, уцепившись за металлическую скобу, вдруг обнаружил, что летит с забора вместе с этой скобой прямо в центр кучи. Отмывали долго. Но запах оставался еще дольше.

Прошел год, и сфера познания районов города расширилась. Теперь сверстники Пашки без сопровождения старших бегали от своих домов на Седьмой новой линии, состоящей из деревянных лачуг, до центра города с его трехэтажными каменными домами и еще дальше – до улиц, расположенных рядом с берегом Оки. Память на всю жизнь запечатлела жуткую картину: к маленькому окошечку в огромной каменной стене лезла, расталкивая друг друга, толпа раскрасневшихся мужиков для того, чтобы добраться до этого окошечка, сунуть туда деньги и получить пару селедок. И это рядом с полноводной рекой. На глазах у малолеток дело кончилось дракой, в которой два здоровых мужика в кровь расквасили лицо молодому парню.

«Так ему и надо, – говорили очевидцы, – не будет по карманам лазить».

А в магазине рядом на витрине лежали завитушки пирожных и большие конусообразные головки сахара. В этих магазинах, догадывался Пашка, на сладости можно было только смотреть.

Совсем рядом с Седьмой новой линией располагался большой парк, который обрывался крутым откосом правого берега Оки. Там было интересно смотреть на спортивные соревнования взрослых дядь. Пашку особенно заинтересовало, как один из них разбегаются, прыгает, летит над площадкой из песка и при этом в воздухе выделяет ногами выкрутасы, как будто продолжает бежать.

А вечером Пашка вместе со своим товарищем Славкой бродили около освещенного двухэтажного деревянного здания школы. Школа располагалась посередине парка и работала в две смены. Пашка чувствовал какое-то благоговение перед этим храмом знаний и, конечно же, не решался войти в него, потому что, как говорила мама, ему туда пока рано. Наконец из школы вырывалась гурьбой шумящая толпа старших товарищей, и Пашка, возвращаясь с ними домой, пытался по их отрывочным высказываниям понять, что же происходило сегодня в школе.

Потом Пашка с замиранием сердца слушал скрипящий голос из круглого черного репродуктора, рассказывающий чудесные приключения о подводном путешествии группы мореплавателей с участием такого же, как он Пашка, мальчишки. Огромные акулы, живые морские звезды, гигантские осьминоги, ползающие в океанских глубинах светящиеся существа, поражали Пашку и продолжали жить в его воображении, в том числе и во сне.

А потом Моховые горы. Там отец стал начальником котельного цеха на стеклозаводе. Когда приехавшая к отцу семья в составе матери, Пашки, братика Юрки и только что родившейся Женечки открыла комнату, где им предстояло жить, они увидели на столе несколько пирожных. Отец, уходя на работу, оставил эти сладости, чтобы доставить им сладкую радость. Пирожное Пашка ел тогда впервые. Но дальнейшая жизнь оказалась не совсем сладкой. Есть было нечего. Пашке шел восьмой год, и он помогал матери в поездках в Горький за продуктами.

А в это время трехлетний Юрка с малюсенькой Женей лакомились дома конфетами. Чтобы этих конфет было побольше, мама делила их на две, на четыре дольки. Хлеба не было. Ничего не было. Что-то должно было случиться. И оно случилось. От дизентерии умерла Женечка. На похоронах Пашка нес крышку гроба и еле сдерживал слезы. Шел 1939 год.

Одним из событий, которое осталось в памяти, было нечто необъяснимое. Пашка бегал по берегу озера по бело-желтому песку, как вдруг над головой возник большой светло-розовый шар. Несмотря на то, что шар поворачивался медленно, Пашка почувствовал в нем что-то бурно-клокочущее. Он смотрел на шар, не отрываясь, не испытывая страха. И вдруг шар взорвался, превратившись в массу искр. Пашка никому ничего не сказал об этом, не желая расстраивать родителей. Но память об этом осталась и воспроизводит это явление так же ясно, как это было тогда.

Недалеко от двухэтажного кирпичного дома, где в небольшой комнатушке жила семья, расположилось что-то вроде ярмарки. Там было много ларьков, где можно было купить иногда даже пряники. А вот хлеба или молока не было. Зато там было большое крутящееся колесо с креслами для отдыхающих. На этом колесе можно было подняться высоко-высоко. Иногда, когда отец был свободен, вся семья прогуливалась по ярмарке. И это были счастливые дни. Правда, на колесо отец Пашку с Юркой не пускал. Вдруг испугаются.

На дальнем краю ярмарки играл духовой оркестр, а чуть дальше, вдоль узкой дорожки, справа и слева от нее были высажены невысокие, тонкие стволы кустарника. Там готовилось какое-то представление. Взрослые кавалеристы на конях в военной форме выстроились вдоль дорожки. Один из них прищпорил коня и на скаку стал энергично направо и налево рубить саблём кустарник. Кусты разлетались в стороны, оставляя в земле столбики высотой в один метр.

- Чего это они делают? – спросил Пашка.
- Учатся владеть саблём, – ответил отец.
- Это чтобы воевать?
- Вот именно – воевать.
- А если будет война, ты тоже пойдешь воевать?
- Все пойдут, Павлик, и я пойду, если будет надо.

Пашка задумался: «Зачем воевать? Почему эти взрослые не могут просто так, если уж очень хочется, поиграть в войну и разойтись?»

– Калусели, калусели! – затараторил Юрка, показывая туда, где ребятня крутилась на деревянных оленях, волках, конях и козликах.

На каруселях каталось все семейство. Пашка устроился верхом на коня и видел себя уже лихим кавалеристом, размахивая воображаемой саблей.

Этой осенью отец сколотил Пашке из фанеры небольшой ранец, раскрасил его, и восьмилетний Пашка шагнул через порог школы. Начались уроки. Чтение букваря, где по слогам надо было читать МА-МА, ПА-ПА, не составляло трудностей. Вскоре он уже бодро читал:

*Идет бычок, качается,
вздыхает на ходу:
«Вот досточка кончается,
сейчас я упаду».*

На рисунке действительно был нарисован бычок, который шел по доске, положенной поперек бревна. Бычок шел вверх, подходя к середине доски, туда, где доска под его тяжестью должна была опуститься на землю другим концом. «Ничего с ним не случится, – решил Пашка, – устоит».

По арифметике – сложение и вычитание с использованием палочек. Пашка быстро усвоил эти премудрости и вскоре научился складывать и отнимать в уме. А вот по чистописанию было не все в порядке. Пашка держал в руках деревянную ручку с перышком номер восемьдесят шесть, макал это перышко в чернильницу-непроливашку и сосредоточенно выписывал в тетрадке палочки. При нажатии на перышко полоска чернил становилась шире, шире и потом неожиданно превращалась в кляксу. В результате страница в тетради была испещрена этими кляксами.

Молоденькая учительница, которая вела этот класс, хвалила Пашку за все уроки, кроме чистописания. После уроков она оставляла его вместе с такими же грязнулями и показывала, как надо писать. Написанные ее рукой черточки и закорючки выглядели произведением искусства. Когда ученики стали осваивать написание букв, выполнять задания учительницы стало еще труднее. Заглавная буква Д у Пашки получалась то с длинной петлей внизу, напоминающей вытянутую вперед кривую ногу, то с огромной, вытянутой вперед петлей сверху, напоминающей нависшую над буквой шляпу.

Поощряемый учительницей Пашка овладевал премудростями чистописания и, может быть, достиг бы на этом поприще совершенства, если бы зимой семья не переехала, теперь уже в Горький. Отец поступил работать начальником котельной на макаронной фабрике. Пашку родители устроили учиться в начальную школу военного клуба имени Фрунзе, принадлежащего Тобольским казармам. Те дети, чьи родители жили и работали в военном городке, переводились из этой школы для дальнейшей учебы в специальную школу-семилетку на территории этого городка «за каменной стеной». Остальные «чужие» дети должны были продолжать учебу в другой школе Ворошиловского района, которая находилась далеко от макаронки, на Караваихе.

Иногда круглое отверстие в металлической двери открывалось, и в нем появлялся равнодушный глаз очередного охранника или просто любопытствующего работника тюрьмы. Пашка отвлекался от воспоминаний и ждал, что будет. Но ничего не происходило. И Пашка снова проваливался в прошлое.

Летом 1941 года девятилетнего Пашку отправили в пионерский лагерь. Там было очень интересно. Например, там была война между белыми и синими. Отличались одни от других цветом повязок на левой руке. Надо было сорвать повязку у противника. Значит, убит. Пашка не ввязывался в драку, надеясь выполнить главную задачу – упереть знамя из штаба противника. Когда он вместе с таким же «разведчиком» неожиданно появился в штабе, оказалось, что война уже закончена. Кто-то более шустрый спер знамя синих, за которых воевал Пашка.

Когда Пашка вернулся из пионерского лагеря домой, он понял, что война бывает более жесткой и опасной. На эту войну ушел отец, так и не попрощавшись с Пашкой. Его отправили куда-то на восток на подготовку, а зимой, когда его часть направлялась через Горький на запад и поезд был задержан на неопределенное время, он рискнул и неожиданно появился дома. Воз-

вращался на вокзал ночью. Потом из письма семья узнала, что ему пришлось идти не по мосту (там задержат), а по молодому еще льду через Оку. Добрался.

Началась жизнь без отца.

Осенью Пашка ходил на картофельное поле с рюкзаком, собирая мелкую, недособранную картошку. Мать из нее пекла лепешки, добавляя небольшое количество муки.

Вскоре подошло время идти в школу. Первого сентября веселая ребятня расселась по партам на втором этаже клуба имени Фрунзе. В класс вошла учительница Ксения Александровна:

– Здравствуйте, дети.

– Здра-а-вствуйте, – невпопад зашумели ученики.

– Поздравляю вас с началом учебного года. Теперь вы уже второклассники. Будете изучать арифметику, русский язык, будете учиться писать, заниматься военным делом. У нас будут уроки пения, рисования.

Ксения Александровна была высокая, черноволосая и очень добрая женщина. Детвора с первых встреч привязалась к ней, как к маме. Уроки проходили очень интересно, и даже мальчишки с макаронки: Пашка, Васька Софронов, Арий Лихвор, Мишка Новиков – не позволяли себе нарушать дисциплину во время уроков. Ксения Александровна водила учеников на сцену киноконцертного зала, где она играла на пианино, а школьники пели хором. Некоторые пели отдельно от хора. Особенно хороший голос был у Люды Скородумовой. Потом они занимали места в зале и смотрели кино: «Тимур и его команда», «Светлый путь», «Веселые ребята» и многие другие. Рисование у Пашки не получалось. Зато маршировать под команду Ивана Петровича, участника Гражданской войны, и ползать по-пластунски – получалось лучше, чем у других мальчишек. Девчонки вообще были освобождены от таких уроков и бегали по стадиону в догонялки. Это у них называлось уроками физкультуры.

Прошлогодние мучения по чистописанию у Пашки кончились в основном потому, что Ксения Александровна разрешила пользоваться перышками, которые назывались скелетиками. На концах этих перышек небольшие миллиметровые шишечки, и они этими шишечками гладко скользят по бумаге, оставляя ровные линии букв.

После уроков скрытая в мальчишках энергия выходила наружу шумным гиканьем, и уже на лестнице любимым их развлечением было дернуть за кончик цветной ленточки, завязанной бантиком, на миниатюрной головке какой-нибудь девчонки. Бантик развязывался, освобождая уложенные в мудреные клубочки волосы, превращая девчонку из прекрасной принцессы в лохматое, обиженное и иногда рассвирепевшее создание.

Возвращаясь домой, макароновские облепляли со всех сторон стучащий на стыках рельсов трамвай и, уже подъезжая к макаронке, сыпались с него, как осенние яблоки с отяжелевшей плодами яблони.

По ночам участились налеты фашистских самолетов. Рядом с жилдомом, между откосом и Арзамасским шоссе, все было изрыто окопами. Несколько зенитных батарей разместились в непосредственной близости. Однажды ночью тишина взорвалась пронзительной сиреной, за которой последовала дробь артиллерийских залпов. Жилдом заходил ходуном от залпов орудий. Со стола посыпалась посуда. На этот раз мать работала в дневную смену и сейчас спала дома. Она наспех схватила кое-какую одежонку и потащила Юрку с Пашкой с пятого этажа в подвальное помещение, переоборудованное в бомбоубежище.

Соседи десяти коммунальных квартир забились в одну большую комнату. Сосредоточенные и побледневшие люди ждали, когда этот кошмар кончится. Привыкнуть к этому было трудно. Вдруг Пашка встал, удивленно посмотрел на ноги и сказал:

– Мамк, это что это я надел?

Все повернули головы туда, куда глядел Пашка. А тот стоял, и вместо штанов на нем красовалась мамашина юбка. Не рассмеяться было невозможно. На душе у всех сразу полегчало.

Четвертого ноября до мальчишек дошло страшное сообщение. Во время бомбежки Мызинского района немецкий самолет сбросил бомбу на завод имени Ленина. Погибло много людей. Тут же решили ехать – посмотреть. Три человека пристроились на буфере трамвая. Комфорт! Остальные разместились между вагонами, там, где два вагона состыковываются между собой. Это было излюбленное место мальчишек. Можно было бесстрашно показать язык, то одному кондуктору, то другому. Можно даже было показать кукиш контролеру. Самое устойчивое состояние, это когда одна нога стоит на выступе одного вагона, а другая – на выступе второго. Под ногами пролетают километры. Трамвай позвякивает, подпрыгивая на стыках рельсов, при поворотах приходится перемещать одну ногу по выступу. Иначе ноги разъедутся. Страшновато только в первый раз. А потом, прировнявшись, малец, да и взрослый, чувствуют себя комфортно. Главное – бесплатно. Между вагонами гремят друг об друга два буфера, толстый электрошланг провисает на уровне живота. Есть за что уцепиться.

И вот интересно – не было случая, чтобы кто-то из ребят когда-либо свалился вниз. Только однажды, когда Пашка со своими двумя товарищами ехал сзади на буфере, под трамваем что-то загромыхало, треснулось о буфер, и из под трамвая вылетел солдат. На лице у него не было никакого выражения. Полнейший шок с вытаращенными глазами. На удивление, солдат вскочил и побежал к проходной в Тобольские казармы. Шок, который он испытал, еще не прошел, и солдат еще не знал, какие из костей у него переломаны. «Еще немного, и он это узнает», – подумал Пашка, стоя на буфере заднего вагона.

Итак, трамвай ехал на Мызу, а на буфере его заднего вагона стоял, как всегда спиной к трамваю, Пашка. Вот миновали Тобольские казармы. Напротив, через дорогу, – клуб имени Фрунзе, куда Пашка ежедневно бегает в школу. Буфер угрожающе скрежещет по балке, подвешенной на цепях к корпусу вагона. После остановки «Щелковский хутор» трамвай круто поворачивает направо, и буфер снова скрежещет.

«Почему Щелковский хутор?» – думает Пашка. Никакого хутора он там не видел. Зато озера! Озера прекрасные. Там этим летом Пашка научился плавать на боку. Почему на боку? Да потому, что левой ногой он все время помогал себе двигаться вдоль берега, отталкиваясь ею от вязкого, облохмаченного тиной дна. А к осени того же года он уже свободно плавал и саженками, и на спине, но больше всего ему нравилось плавать на левом боку, загребая воду, как веслом, правой рукой. И скорость высокая, и не устает.

На Каравайке трамвай снова круто повернул, и Колька Караванов с Толькой Дементьевым, стоявшие на том же буфере, что и Пашка, только лицом к трамваю, вцепились в рейку окна вагона, прижав Пашку к трамваю, потому что буфер опять закрипел и сдвинулся по балке. Еще десять-пятнадцать минут, и вот она – Мыза.

Ребята высыпали на остановку. Там, за мостом, с правой стороны шоссе они не увидели, но почувствовали то, что потрясло весь мызинский район. Фугасная бомба попала в главное здание завода с кабинетом директора, и сейчас оттуда тянуло гарью. Слышно было, как там работали люди, машины, разгребая руины обрушившегося здания. «Сколько этих несчастных, находившихся на работе, погибло в один момент, – думал Пашка, – и за что? Почему? Какая звериная сила понесла сюда этих фашистов? Кто они? Неужели такие же люди, как и мы? И куда лезут? Неужели не понимают, что нас победить нельзя? Нас много. Если не справятся наши отцы, то вырастем мы и будем давить этих гадов». Еще немного подумав, Пашка решил: «Я буду летчиком. Я найду тебя, гад, и раздавлю прямо в воздухе своим самолетом, чтобы от тебя даже пыли не осталось». Возвращались ребята подавленные. До них начинало доходить, что такое война, с каким сильным, безжалостным и лютым врагом воюют сейчас их отцы.

А потом Пашка вспомнил, как ему в библиотеке клуба, седая библиотекарша выдала почитать сначала книгу про зайчика, потом про медузу Горгону. Пашка с каким-то благоговением потрогал толстую книгу, на обложке которой были нарисованы казаки.

– Тебе еще рано читать такие книги, – сказала библиотекарша, – приходи почаще.

И Пашка приходил, а потом дома по вечерам читал эти книжки.

Становилось холодновато. От неподвижного сидения на куче моркови ноги отекали, но сидеть, кроме этой кучи, было не на чем. Голые стены и маленькое окошечко наверху. Связь с внешним миром осуществлялась только через круглое смотровое отверстие надзирателя. «Что они меня, в карцер, что ли, засунули? И чего я тут, голодный буду сидеть? Или они ждут, когда я эту морковь лопать начну?» Походив по карцеру, Пашка снова устроился на кучу моркови и снова углубился в воспоминания.

Этой весной на склад, рядом с молочным заводом, приехал грузовик, груженный чем-то вкусно пахнущим. Следующий такой грузовик был немедленно атакован на подходе к складу, около макаронки, перед подъемом по Арзамасскому шоссе. Один из мешков был располован, и из него посыпались сухари. Оставалось только собирать. Но в это время из задней машины выскочил сопровождающий и бросился за мальчишками. Пашка проскочил мимо Мраморных домов и дал стрелкача к откосу. Сзади слышался тяжелый топот преследователя.

Когда Пашка достиг откоса, он припустил по узкой дорожке вниз. Пора было торжествовать победу. В левой руке сухарь, впереди узкая дорожка. Там его уже не найти. А там! Там оказалось нечто, что ввело бы в транс любого взрослого. На дорожке лежал и смотрел на Пашку пустыми глазницами абсолютно голый череп человека. Остановиться было невозможно – слишком большая скорость. Пашка сделал еще два шага и прыгнул. Приземлился на сидячее место и полетел с откоса уже не по дорожке, а сначала с глинистого обрыва, а потом через кусты. Возвращаясь, решил посмотреть, откуда взялся череп. Нашел поляну. На ней было много костей, черепа и огромные могильные плиты с выбитыми на них крестами и другими непонятными знаками.

Выбравшись наверх, увидел, что рядом с откосом ведутся раскопки. Подполз к яме и понял, что это не просто раскопки, а довольно глубокая яма с ходами в разные стороны. «Какой-то склад, наверно», – решил Пашка. На следующий день с соблюдением всех правил конспирации Пашка, Герка Паскевич, Колька Караванов, Виталька Маркелов осматривали склад. Гена Барнуковский, как всегда, был на атанде. Изъяли два ящика с какими-то темного цвета макаронинами. Поднимали ящики на веревках. Спускались в склад и поднимались из него по длинной доске. Вторая попытка на следующий день оказалась неудачной: у склада стоял часовой. Макароны оказались артиллерийским порохом и горели ярким пламенем. То, что в ящиках был артиллерийский порох, узнал кто-то из знакомых. Проверка боевых качеств производилась ночью. В обрыве откоса вырыли небольшую пещеру, засунули туда порцию пороха и подожгли. Пыхнуло, но не рвануло. Закралось сомнение – порох ли это? Но ведь обыкновенный порох или спичечная сера тоже горит, а не взрывается. А в поджиге так бабахнет, что шариком от подшипника можно доску прошибить.

Вдруг отверстие снова щелкнуло, и Пашка увидел глаз. Из-за двери послышалось:
– Господи! Пашка!

Прошло некоторое время, дверь с лязгом открылась, и Пашка увидел рядом с охранником тетю Машу, соседку по дому. Пашку провели через все многочисленные двери в обратную сторону и на выходе из тюрьмы передали с рук на руки заплаканной матери. Тетя Маша оказалась работницей тюрьмы. Увидев Пашку, она нашла его мать, и уже вместе они высвободили его из заточения. Но с одним условием: воспитательную работу с ним должна провести администрация фабрики.

Встреча в гадюшнике

Вечером к Пашке заявился Виталька Маркелов.

– Ну, как, пронесло? – спросил он.

– Пронесло. Только больше не полезу.

– Пошли в тюремский клуб. Там кино сегодня.

Тюремским клубом ребята называли клуб работников тюрьмы, расположенный в одном из жилых пятиэтажных домов. Виталька выпросил у своей матери на два билета в кино, и они пошли. Брату Пашка сказал, что к десяти вечера обязательно придет. После кино «Волга-Волга» Пашку с Виталькой занесло в пивную будку, что рядом с тюрьмой, с единственной целью: «А что там продают, кроме пива?» За стойкой стояла крупная красивая женщина и улыбалась буквально всем мужикам. Когда очередь к стойке кончилась, она поманила Пашку с Виталькой пальчиком и сказала:

– Заходите через полчаса. Угощу.

– А почему бы не зайти, если угостит? – решили ребята, и стали толкаться возле будки.

К будке подошли трое взрослых парней. У одного из них щека была рассечена шрамом. От Пашкиных глаз не ускользнуло, как этот парень со шрамом переглянулся с продавщицей, а потом заказал три кружки пива. Денег не дал. Зато получил какую-то бумажку. Эти трое выпили пиво и ушли. Продавщица взглянула на часы и строго сказала:

– Все. Закрываю. Ваше время пять минут.

Кто-то из посетителей попытался уговорить ее налить еще по кружке, но продавщица была неумолима.

– У меня дела. Закрываю.

Она закрыла будку, вышла с заднего хода и поманила ребят. Пашка с Виталькой вошли в будку. Продавщица усадила их за маленький столик.

– Итак, молодежь, угощенья принимаете?

Мальцы молчали.

– Молчание – знак согласия.

И она налила им по сто грамм водки. Пашке, конечно, не в первый раз приходилось пить спиртное. Один раз мать по карточкам на сахар получила в магазине чайник сладкого вина в надежде обменять его на что-нибудь съестное. Так они с братиком этот чайник почти весь понемногу и выпили. Пашке тогда – хоть бы что, а вот братику было очень плохо. Его выворачивало почти целый день. Пробовал Пашка и водку и не мог понять, зачем эту дрянь вообще пьют! Но в данном случае ударить лицом в грязь было нельзя, и он выпил эти сто грамм, вытаращив глаза. Виталька не смог допить до конца, поперхнулся и долго, долго кашлял. Продавщица дала им попить воды, потом по соленому огурцу, по куску хлеба, опрокинула полстакана водки себе в рот и одним глотком выпила ее. Пашке показалось, что она вообще не глотала, а просто влила водку в рот и та сама нашла дорогу. Когда у ребят в головах начался легкий шурум-бурум, она вытащила из стола конверт, из которого посыпались фотографии красивой женщины в различных одеждах. Вот она – красиво одетая и в очках, вот в какой-то шубе с воротником из лисы, а вот с удивительно модной прической.

– Что, мальчишки, узнаете? Это все я. Какова артистка, а?

– А вы что, были артисткой? – спросил Виталька.

– Артистка? Да еще какая! Только не на сцене, а в жизни. В жизни играть интереснее.

– А кого играть? – задал глупый вопрос Пашка.

– Как кого? Красивую соблазнительную женщину, а то и глупенькую девушку или разбитную дурочку.

– А зачем? – спросил Пашка.

– Вот! Вопрос поставлен в корень, – сказала продавщица и опрокинула в рот очередные полстакана водки, – затем, чтобы заработать деньги, много денег. Вы хотели бы иметь много денег?

Женщина посмотрела на глупышей и добавила:

– Приманкой я была. За мной мужики на край света готовы были пойти. Вот я их без денег и оставляла. Не балуй, чем попало.

Она закусила соленым огурцом и налила себе еще полстакана.

– Так что, молодежь, пить будем?

Виталька взял стакан с недопитой водкой, выпил ее и тут же схватил соленый огурец.

– А я больше не хочу, – сказал Пашка, – голова кружится.

– А я выпью, – продолжала женщина и снова одним глотком отправила в свое пышное тело сто грамм водки.

– А как это вы мужиков обирали? – заинтересованно спросил Виталька.

Женщина становилась все словоохотливей и веселей.

– А я с бригадой работала. Ключет на меня какой-нибудь офицер. С фронта в отпуск приехал, денег много, а девать некуда. Вот я его затащу в темный переулок. А там мои друзья – трах по темечку, и денежки наши.

Пашка посмотрел на Витальку. Видно было, что ему все это очень интересно. Глаза разгорелись.

– Так вот, зачем я вас позвала? Мне помощники нужны, такие, как вы. Покрутились среди выпивох, усекли у кого денюга большая, и мне на ушко. Больше с вас ничего не надо. А денег будете получать столько, сколько и не снилось.

Пашка вспомнил парня с рассеченной щекой. «Так вот она, твоя бригада, – подумал он, – значит, и мы в этой бригаде будем?»

– Ну, как? Принято предложение?

– Да, – с готовностью ответил Виталька.

– Ну, тогда вот вам аванс – две тридцатки, завтра в пять вечера прошу в пивную. А сейчас, если хотите выпить-закусить, пейте. Нет – тогда я закрываю.

Виталька взял деньги, и они с Пашкой вышли из пивной и нетвердой походкой пошли домой.

На следующее утро Пашка проснулся с какой-то тоской в душе. Сначала он не мог понять, что его так гнетет. Потом понял: он ненавидит эту женщину, но совершенно не знает, что делать. В пять часов дня к нему опять пришел Виталька.

– Пойдем?

– Я не пойду, – ответил Пашка.

– А что?

– Ничего, голова болит.

Весь вечер Пашка мучился. Ощущение было такое, что будто бы умирает кто-то родной, а он ничего поделать не может. Полнейшая беспомощность. Еще через день Пашку потянуло к этой будке, но не для того, чтобы участвовать в предложенной афере, а для того, чтобы еще раз взглянуть хотя бы издали на врага. У входа в будку Пашка с удивлением увидел Витальку с каким-то парнишкой.

«Все ясно, – подумал он, – Виталья соблазнился».

А еще через день Пашка узнал, что недалеко от тюрьмы, в небольшом овражке, около шоссе, нашли мужчину с проломленным черепом. В голове у Пашки молнией мелькнула мысль: «Это она!» Переживания прекратились. Они сменились готовностью к действию. «Уничтожить змеиное логово, – решил Пашка, – но как? Поджечь? Нет, найдут другое место. Взорвать? Точно! Взорвать, чтобы привлечь внимание милиции. Пусть разбираются потом».

На крутом откосе, напротив молочного завода мальчишки еще в начале лета обустроили два схрона. Один из них представлял собой неглубокую пещеру в обрыве, в двух метрах от поверхности земли, на которой росли деревья. Корни одного из них обнажились и свисали вниз. По этим корням мальчишки и лазили в пещеру. Неподалеку от нее они вырыли глубокую яму шириной в два метра, длиной три и глубиной полтора. Накрыли ее досками, покрыли дерном. Рядом вырыли небольшую, с метр в глубину, ямку и из нее проделали ход в основное помещение землянки. Это был вход, который тоже был закрыт крышкой с дерном и приоткрывался ровно настолько, чтобы пролез подросток. Таким образом, взрослым вход внутрь был невозможен. В землянке был настил, небольшая печка-буржуйка с вытяжной трубой через крышу. Здесь мальчишки хранили свое боевое имущество, а иногда и ночевали. В пещере на обрыве хранились два ящика с артиллерийским порохом. Аналогичную землянку они соорудили на пустыре, напротив макаронной фабрики. Ребята то и дело ныряли в нее, озадачивая прохожих: «был малец – и нет мальчика». Или наоборот – выныривали из нее, как из ниоткуда.

Пашка обдумывал, как сделать бомбу, используя имеющийся порох. «Надо попробовать законопатить его в трубу, – подумал он, – и рвануть. Сначала для пробы на откосе, а потом сделать еще одну и рвануть будку».

Ребятня мастерская была организована напротив макаронки, под носом у энкавэдэшников. Там была металлическая болванка, которая использовалась, как наковальня. На этой-то наковальне Пашка и трудился, пытаясь сплющить один конец полуметрового отрезка трубы с тем, чтобы потом загнуть его как можно круче. Пробовал раскалить трубу в костре. Не получилось. Пробовал обрабатывать холодную. Труба трескалась, и приходилось все начинать сначала. Когда наконец работа была выполнена, стало ясно, что большой поджиг-пушка готов. Делай отверстие для запала, заряжай порохом, забивай пыж, затем что-то весомое, вроде шариков от большого подшипника, снова пыж и... бабахай. Но Пашкина задача была посложней: требовалось зарядить трубу порохом, затем сплющить и загнуть ее второй конец. Это можно было сделать только в мощных тисках. А их нет. Можно было свинтить две такие трубы, сплющенные на концах. Но это вообще невыполнимая задача. Вечером Пашка притащил свое сооружение домой и сунул в ванную комнату, которую многочисленные жильцы пятикомнатной коммунальной квартиры превратили в овощехранилище. А рано утром их мужская половина с интересом рассматривала странную штуковину.

– Ты что, Пашка, пушку затеял сотворить? – спросил один из них, инвалид финской войны.

Рядом стояла мать, на лице у которой Пашка прочитал волнение и переживание за судьбу своего сына. Ей надо было торопиться на работу, но она не могла уйти, не разобравшись, что еще придумал ее непутевый сынок. Мать почувствовала, что на этот раз Пашка задумал, что-то серьезное. Она позвала его в комнату, посадила напротив себя и спросила:

– Паша, что происходит? Скажи мне, и я тебе помогу.

– Поможешь?! Не можешь ты мне помочь, мама! Тебя саму убьют! Эту гадину надо уничтожить! Она офицеров с фронта грабит! Она людей убивает!

Глаза у Пашки горели, он весь напрягся, руки его задрожали. Он вскочил со стула. Кажется, что вот сейчас он повернется и убежит, но вместо этого у него из глаз вдруг брызнули слезы, и он беспомощно упал матери на колени. Сказалось высокое напряжение последних дней.

– Она гадина! Гадина! Гадина! – захлебываясь причитал Пашка, – я взорву ее вместе с ее змеюшником... Там бандиты... Им Виталька помогает... они людей убивают, – взволнованно бормотал он в промежутках между всхлипываниями.

– Кто она? Расскажи подробней.

И Пашка, успокоившись, сбивчиво рассказал матери обо всем, что было связано с этой злосчастной пивной будкой. В углу из-за табуретки выглядывал озадаченный Юрка. Он первый раз видел старшего брата плачущим. Но, конечно, еще больше его удивил рассказ Пашки о бандитах. Юрка раскрыл рот и перестал жевать корку хлеба.

– Вот что, Паша, успокойся. Я же сказала, что я тебе помогу, значит, помогу. А сейчас посиди с Юрой минут пятнадцать, я отпрошусь с работы и вернусь. Тогда поговорим подробнее и подумаем, что делать.

Пашка почувствовал облегчение оттого, что ту тяжесть, которую он взвалил на себя в этом деле, разделят с ним его мама и, может быть, и другие взрослые. Через некоторое время мать вернулась. Он успокоился. Пашкой снова овладело то деловое настроение, которое руководило им при подготовке к ликвидации бандитского притона. Теперь он еще раз рассказал матери с подробностями все, что видел, слышал, и что волновало его последние дни.

– Хорошо, Паша, никому ничего не рассказывай. Этим делом больше не занимайся. Ты маленький и можешь наделать опасных ошибок. Я сделаю так, что этим делом займутся взрослые.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.